

**СЕРГЕЙ
АЛЕКСЕЕВ**

ДУЛЬСИНЕЯ
ТУНГУССКАЯ

Сергей Алексеев
Дульсинея Тунгусская

«Алексеев Сергей»

1981

Алексеев С. Т.

Дульсинея Тунгусская / С. Т. Алексеев — «Алексеев Сергей»,
1981

Содержание

1	5
2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Сергей Алексеев

Дульсинея Тунгусская

1

К концу дня Димка Усольцев устал так, что стоило ему только остановиться, как он тут же падал на землю, растягивался и замирал, слушая, как гудит тело. Для сходства с уморенной собакой не хватало лишь вываленного набок языка. Скорее всего Димка устал не от ходьбы по заваленной буреломом тайге, а от невыносимости ожидания. Он, конечно, был не прочь поработать с прохладцей, не спеша: трудяга-то Димка так себе, без особой прыти. Но ждать можно днем, когда нужно рубить профиль или бежать по нему с мерной лентой, а сейчас, топя прямо на заходящее солнце, за которым где-то прячутся палатки, таборный стол с ведром варева на ужин, ждать с урчащим животом – пытка. Устроившись на щебенистом пятачке, схваченном твердым мхом, и подложив футляр теодолита под голову, Димка-геодезист глядел сквозь тюль накомарника в небо, ждал своего рабочего – Полю Романюк, матерился потихоньку и давил на грязных руках комаров. Делал он это с особым удовольствием: брал по несколько штук щепотью, размазывал их на ладони, а потом шарики этой бесформенной массы скатывал до тех пор, пока останки насекомых не превращались в пыль. Понюхав руки, будто боясь, что они пахнут не прелью давленных комаров, а чем-то другим, Димка сел, почесал голый подбородок, на котором в двадцать семь все еще пробивался пушок, сощурился, собирая на лбу и у глаз складки, посмотрел вдоль пикой уходящего под уклон профиля и, никого на нем не обнаружив, хотел плюнуть, но вспомнил, что плюнуть можно в самого себя, как уже не однажды случалось, вздохнул и подтянул к себе рюкзак. Отряхнул его и вытянул изнутри фляжку. Запасливый Димка никогда не выливал недопитый в обед чифир. Быстро собрал пучок сухих сучков, запалил костерок, отвернул пробку и сунул закоптелую фляжку в огонь.

Поглядывая на профиль, Димка тянул потерявший смак чифир без удовольствия и после каждого глотка, морщась от горечи, изрекал: «Ну баба! Ху-у!.. Приперлась в тайгу за каким-то чертом. Хы-х!.. Возись с ней, как с дитем. Ху-у!.. Идиотство, жрать охота!» Чай не укрощал волчий аппетит, и Димка не вытерпел. Выплеснул «нифеля» – разваренный чай – на щебенку и, глядя себе под расставленные ноги, будто там пряталась Поля, крикнул:

– Поля! Ты чё там копаешься?

– А ты что орешь? – услышал он за спиной спокойный голос. – В тайге так, думаешь, можно?

Димка аж вздрогнул от неожиданности и плюнул все же, выругался в душе и попытался оправдаться:

– Чё крадешься-то сзади? Напугать хотела? Это меня, старого...

– Помолчи, старый. Идем! Чего расселся?

Димку подбросило от Полиной наглости. Он хотел выругаться, но передумал, зная язычок своей «реешницы», схватил с земли рюкзак, треногу и теодолит, забросил как попало все за плечо и, не оглядываясь, засеменял кривоватыми ногами, то и дело спотыкаясь, словно его дергали за веревочку. Ему хотелось сказать этой бесцеремонной девчонке какую-нибудь дерзость, но, спиной чувствуя ее глаза-колючки, представляя ее некрасивое, с перебитым носом и пористой кожей лицо, он хмыкнул, будто его тошнило, и подумал про себя: «Баба! Размазня! Идиотка!» Димка знал, что Поля не заслуживает таких слов, он злился на ее способность быть независимой, на постоянные, как ему казалось, издевки над его словами и распоряжениями. А издевалась Поля классно! Димка терпеть не мог смеха, когда ему приходилось, чтобы не сбить

уровня на инструменте, подставлять под ноги футляр – иначе из-за своего роста он не мог дотянуться к теодолитному окуляру. Издевательством считал он и необъяснимое для Димки пристрастие Полины с никому не нужным старанием выписывать маркировку реперов-столбиков. Раз-два черкнул краской – и готово. А она – нет. Будто не цифры пишет, а картину. То вдруг Полине взбрело в голову бросить ни с того ни с сего рейку и уйти на целый час с профиля черт-те куда – не докричишься, не дозовешься. А однажды, в один из первых дней работы, напала на Димку тоска по «жилухе», ранняя тоска, вроде бы и сезон только начался, ну и попробовал он обнять Полю за плоские бедра, обтянутые брезентухой. Врезала она тогда Димке в ухо так, что зазвенело в голове и сосенки в глазах заплясали. «Ничего себе», – лишь пролепетал ошарашенный Димка и выкатил глаза. Ну ладно, пусть он маломерка, но мужик все же! Если бы на людях Димка позволил себе такое, это понятно, а здесь-то что? Тайга кругом. Да было бы кому фифочку из себя строить – ни рожи ни кожи... «И чё этот начальник по ней с ума сходит? – спрашивал у себя Димка, хлопая ботфортами болотных сапог. – Злая, как ведьма, да и не только со мной, с ним, однако, еще пуще. Да на эту мужланку в Красноярске ни один путевый мужик не посмотрит. Точно. А сюда приехала, закрутила дураку Каретину мозги, смотришь – и замуж за него выскочит. А чё? Они специально рвутся в глушь куда-нибудь, такие вот, неходовые, чтобы замуж выйти. Знаю вашего брата. Так и смотрите, как бы захоботать кого получше, мол, на безрыбье, брат мужик, и рак – рыба! Ишь, выпендривается, цену себе набивает. Все! Хана. Приду и скажу Каретину, пусть он ее себе забирает, все одно под нее клинья бьет... Эх и жрать охота!» Димка стрельнул глазами назад, будто хотел проверить, не исчезла ли ему на радость эта чертова баба, но Полина не исчезла, а шла в трех шагах, опустив голову, то и дело поддегивая спадавший на глаза накомарник. Поправив на ходу ремень с кобурой револьвера, выданного ему впервые в этом году, Димка прибавил шаг.

Полина брела за Усольцевым, за его мельтешащей квадратной спиной в красном закатном просвете свежесрубленной просеки, и ей, чем ближе становился лагерь, тем сильнее не хотелось возвращаться туда. Лучше бы сесть вот здесь, среди камней и валежника, без костра, в комарином рое и ночном холоде продрожать до утра, не идти под многозначительные взгляды, порой презрительные, порой явно похотливые...

В начале сезона было проще. Поворчали, правда, мужики на Каретина: что, мол, бабу в тайгу тащишь, потом утихли и Полину будто не замечали. Только Димка, пожалуй, не мог не замечать. Он, заеденный гнусом около теодолита, махал руками, кричал и ругался на всю тайгу: то рейку Поля криво держит, то дерево ему мешает, то просто так, от «психа». Проще было до тех пор, пока один из рабочих отряда Локтев, здоровый, заросший до глаз рыже-черной бородой, за что когда-то получил прозвище Пустынник, но больше походивший на удалого веселого цыгана, не вломился вечером к ней в палатку. Неизвестно, что было бы, не окажись близко Каретин...

Видела Полина среди этих взглядов один, не похожий на другие. Давно заметила она глаза Каретина: то с добротой, то с укором, то странные, словно этот парень что-то потерял, а теперь ходит и ищет и не найдет никак... Ей скорее всего именно этот взгляд больше всего казался ненавистным. Ненавистным, потому что напоминал с таким трудом забываемый взгляд другого, там, в юности, кажется, ушедшей на сто лет назад: этот милый взгляд, с которым вначале было тепло и просто, потом – неуверенно и обидно. А дальше – как по вертикали холодно, гадостно до тошноты и передергивания, со всплесками жалости, как суконное одеяло, душной, вяжущей.

Это почти забыто. Узкая комната в общежитии Седьмого рудника, пьяный муж в сапогах и одежде на постели, которая всего какой-то год назад была первой брачной...

– Ты опять?

– Молчи, дура! Вон отсюда!

– Ты же обещал...

– Вон!!!

А потом твердые, очень твердые сапоги на спине, животе, груди... Поля искала этому причину, успокаивала себя, уговаривала и упрашивала его, валяясь в ногах! Нет, ничего не осталось от того взгляда. Пустота, унижение, звериная слепота... Встала с колен Полина, встала, заледеневшая к этому отвратительному человеку, ко всему руднику, ко всему миру. Скрутила в крутой канат себя, обиду, боль, надежду. Застыла, закаменела. Век прошел – ледяная, каменная. Ни отогреть, ни расплавить. Вот только куда деть себя такую? Жить надо, а кругом люди, каждый со своим, жгут глазами, сочувствуют. Кинула Полина в чемоданчик свое девичье, порезанное ножом голубое пальто, заняла у соседки десятку и поехала. Куда? Какая разница, докуда денег хватит...

Встретился Каретин, срочно искавший рабочего, то ли добрый, то ли просто пожалевший ее.

Потом был Пустынник: «Мы ж тебя для чего подобрали? Чего ломаешься?»

«Что же это такое?! – оставаясь одна, думала Полина, сжавшись в комок. – Почему все такие? Уроды со страстью, дикари, скоты с бородами и глазами, в которых, кроме вождения, – ничего! Кто слеп? Они или я?»

Страх не было, а пробивалась та обида на мир за растоптанное сапогами, исковерканное, заплеванное. А жить все-таки надо. И возвращаться каждый день в лагерь надо, сжиматься, прятаться, как обычно, идти под взгляды с оскалом улыбки и под его, каретинские, взгляды.

2

Топографы урывали погожие дни. Работали с шести утра и до заката. Погода на Подкаменной Тунгуске мудрила: вечером ясно, утром – дождь, и если пошел, так на неделю. Не хотел Каретин в этом году забираться на Подкаменную, с весны вообще мысли были уволиться и уехать к матери в Молдавию. Десять лет подряд полосовал он приенисейскую тайгу просеками, дешифровал аэрофотосъемку, а нынче попало то, что недолюбливал делать Каретин, – крупномасштабная съемка участка для геологов. Работы – море, а в конце сезона результат – четвертинка планшета.

Обычно вечером, после возвращения с профилей, Каретин сидел за столом среди топографов, слушал их разговоры и молчал. Ужин начинался по приходу из тайги последнего человека. А сегодня опять где-то задержались Усольцев с Полиной. Не будь с ним ее, дал бы Каретин разгону Димке, заставил бы его пошевеливаться на просеке. А здесь... Сачковатый Димка не раз уже давал парням пищу для трепа. Без зла, конечно, но кому понравится каждый день одно и то же: «Опять Усольцева нет, наставит он кой-кому рогов!» – и непременно посмотрят в его сторону.

Наконец подпрыгивающей походкой, упаренный от ходьбы и злой, появился Усольцев. Сбросил инструменты, посмотрел на сидящих и оглянулся назад, будто подтверждая, что пришел не один. К лагерю подходила Полина. Шла спокойно, хотя Каретин сразу отметил ее усталость.

После ужина люди разбрелись по палаткам. Каретин, делая вид, что маракует над картой, остался за столом. У костра Полина домывала посуду. Склонив голову над пестротой линий, отметок, названий и не видя их, Каретин шурил глаза, будто вытаскивал откуда-то из глубины памяти отрывки непродуманных мыслей, играл крупными желваками на скулах. Каретину всегда казалось, что он умеет жить в себе, не выставляя, не показывая никому ни горя, ни радости. Да. Может быть, и умел до некоторых пор. А сейчас, в тридцать с лишним, разучился.

...Выждав, пока Полина скроется в своей одноместной палатке, Каретин хотел было уйти спать, но к нему подошел Усольцев, уселся напротив и с неожиданным гонором заявил:

– Ну вот что, Каретин, давай-ка мне вместо бабы кого-нибудь, а ее заberi себе, если хочешь. – И, снизив голос до шепота, с маской простачка на довольном лице добавил: – Ты же, кажется, виды на нее имеешь?

Каретин изо всей силы ударил планшетом по столу:

– Знаешь что, ты? Будешь мне воду мутить – выпру из отряда к чертовой матери! Понял?

Зная по прошлым временам, что вывести из себя спокойного, справедливого Каретина не так-то просто (по крайней мере пошли в сердцах куда подальше – не вскипит), Димка вытаращил глаза и быстро-быстро заговорил:

– Да ты чё? Я же шутя. Она баба ничего, только дурная какая-то. Выкобенивает из себя... Поговорить нельзя – фыркает, как эта... А ты сразу кричать. Можно и тихо: сказал – будешь работать, и все! А ты – а-а! Я тебя! Туды-суды!

Каретин не ответил, встал и зашагал в сторону густых пихтачей, тесно подступающих к лагерю и разрезанных просекой. Срубленные в два-три маха стрелы пихт жалко топорщились по сторонам, обливаясь смолой. Желтые свежие пни фонариками маячили, теряясь в просеченном клине. За спиной переливался в просвете деревьев закат, растворял в себе вершины. «Глупо, – размышлял Виктор Каретин, поднимаясь по склону горы, заваленной крупными глыбами камня. – Глупо вот так орать, но обидно же! Если бы на самом деле было что-нибудь, а то все впустую, как шестеренка без зубьев, крутишься около, а уцепиться нечем. А впрочем, бог с ними – пусть треплются, плевать. Вот только на парня зря крикнул, он и неплохой вроде, хотя заноза порядочная. Так с людьми не работают. Если псих, то лечиться надо, а не отря-

дом командовать. Ни Димка, ни Полина здесь не виноваты. Сам от дурасти не знаю, куда себя сунуть...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.